

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — 620 с.

ISBN 978-5-89170-232-5

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930—2006), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание основано при содействии Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, Института археологии и этнографии СО РАН и Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности складывания и развития планировки и застройки сибирских поселений; изучение и потенциал ревалоризации архитектурных памятников в Сибири; выявление «забытых» памятников; возможности использования новых методов исследования объектов наследия; кросс-культурные взаимосвязи, обнаруживаемые при изучении исторической архитектуры регионов, сопредельных с Сибирью; роль символов и знаков в историко-архитектурном наследии; новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

Раздел «Новые методы в изучении историко-архитектурного наследия» подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»).

The *Balandin Readings* annals is dedicated to memory of Sergey Balandin (1930—2006) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in Novosibirsk. The issue was founded by three partners: *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences* and the *Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors of the articles deal with different aspects of the subjects including historical factors of organization and developing of planning structure and architecture of Siberian settlements; studying significant historical architectural objects of Siberia and opportunities for their revalorization; revealing of forget monuments; possibilities of new methods of studying heritage objects; cross-cultural relations appearing in studies of historical architecture of neighboring territories of Siberia; role of symbols and signs in the historical and architectural heritage; new facts about creative heritage of Siberian architects.

The part *The New Methods in Studying the Historical and Architectural Heritage* is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* (project No 18-09-00469 *New Methods in Ethnography in the Information Age: an Assessment of the Results and Perspectives of Use for Material Culture Research*).

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор: Гаркуша Д.Д. (НГУАДИ)
научные редакторы:
Гаркуша Ю.Н. (ИАЭТ СО РАН)
Груздева Е.А., канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Журин Н.П., канд. архитектуры (НГУАДИ)
Майничева А.Ю., д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)
Орлова Е.Ю., канд. искусствоведения (НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-232-5

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2018
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Г.В. Любимова
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
terra-gl@mail.ru

Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX — начала XX века

Аннотация

На основе такого источника, как крестьянская мемуарная литература, с привлечением массовых документов периода Столыпинской аграрной реформы в статье рассматриваются способы экологической и социокультурной адаптации русских старожилов и переселенцев к степным, лесостепным и притаежным районам Томской губернии в конце XIX — начале XX в. Особое внимание уделяется вопросам, касающимся образа сибирского региона в сознании аграрных мигрантов и принципов организации переселенцами нового жизненного пространства, связанных с традиционными крестьянскими представлениями об оптимальных условиях для занятий хлебопашеством. Показан обусловленный натуральным характером хозяйства экологический прагматизм сибирских крестьян, распространявшийся на все виды природных ресурсов и компоненты природного ландшафта.

Ключевые слова: аграрные переселенцы, экологическая адаптация, организация жизненного пространства, природные ландшафты Сибири

G.V. Lyubimova
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
terra-gl@mail.ru

Siberian Russians: Problems of Ecological Adaptation of Agrarian Settlers in the Late 19th — Early 20th centuries

Abstract

The article deals with the ways of ecological and socio-cultural adaptation of Russian old-timers and newly settlers to the steppe, forest-steppe and taiga regions of Tomsk province at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The research is based on peasant memoir literature and a great number of documents of the Stolypin Agrarian Reform period. A special attention is paid to issues relating to the image of the Siberian region in the minds of agrarian migrants. The principles of organization of living space and traditional peasant ideas about the optimal conditions for farming are presented in this article as well. The environmental pragmatism of the Siberian peasants, determined by the natural character of peasant farming is also revealed here. This pragmatism spread over all kinds of natural resources and components of the natural landscape.

Key words: agrarian settlers, ecological adaptation, organization of living space, natural landscapes of Siberia

Разработка долгосрочных программ развития сибирского региона предполагает поиск новых подходов к проблеме рационального освоения природных ресурсов и целенаправленного формирования окружающей среды. Одним из наиболее эффективных инструментов организации не только городского, но и сельского пространства в настоящее время является ландшафтное планирование. К важнейшим предпосылкам такого планирования, включающего прогнозирование экологически обоснованного социально-экономического развития сельских территорий, относится изучение исторического опыта видоизменения и преобразования антропогенных ландшафтов, в том числе принципов организации

жизненного пространства и способов адаптации местных локальных сообществ к социоприродному окружению.

Ценным источником для изучения очерченной проблематики как составной части экологической истории и культурного ландшафтоведения Сибири могут служить документы, созданные в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы. Землеустроительные отчеты периода массовых аграрных миграций, как было недавно показано, позволяют в деталях восстановить механизмы освоения и обживания степных и лесостепных ландшафтов крестьянскими сообществами сибиряков-старожилов и российских переселенцев в конце XIX — начале XX в.

[Любимова, 2017, с. 26—33].

Вместе с тем, наряду с массовыми источниками, какими являются отчеты землеустроительных партий, в качестве информационного ресурса для раскрытия заявленной темы целесообразно также привлекать источники личного происхождения — эго-документы², а именно: автобиографии, дневники, письма, записные книжки и прочие свидетельства исторических событий, в которых довелось лично участвовать авторам [Петрова, 2014, с. 39—49]. Подобные документы содержат уникальную информацию о повседневной жизни рядового участника исторического процесса, человека «толпы», сближаясь в этом отношении с источниками и методами «устной истории», а также произведениями «наивной литературы», авторами которых, как правило, становились люди «неписьменной культуры» — те, кого долгое время называли «безмолвствующим большинством» [Минаева, 2003, с. 68—74].

К документам личного происхождения, обладающим характерными признаками «наивной литературы», относятся произведения крестьянской мемуарной литературы. Относительная новизна и немногочисленность таких произведений, как отмечалось ранее, обусловлены низким уровнем грамотности и особенностями демографического развития российского крестьянства [Любимова, 2014, с. 293—308].

Яркий образец крестьянской мемуаристики, раскрывающий проблемы экологической и социокультурной адаптации сибирских аграрных переселенцев начала прошлого века, представлен рукописным сочинением Сергея Ивановича Курина, хранящимся в Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской области³ [Воспоминания...].

В воспоминаниях С.И. Курина изложена типичная история сибирского переселенческого села, основанного в конце XIX в. выходцами из центральных и северных губерний России (Казанской, Рязанской, Тамбовской, Вятской, Вологодской, Симбирской и др.) в б. Колыванском уезде Томской губернии на расчищенном от леса участке «лиственной тайги». Автор подробно описывает обстоятельства возникновения Сидоровки, расположенной «в 25 верстах от города Колывани, бывшего Чаусского острога», а также развитие населенного пункта вплоть до образования колхозов. В рамках заявленной проблематики значительный интерес представляют затронутые в описании темы, касающиеся образа сибирского региона в сознании аграрных мигрантов, а также выбора места для постройки жилья и планировки поселения. Подобного рода вопросы носят мировоззренческий характер, отражая понимание народом устройства миропорядка и своего места в нем [Майничева, 2002, с. 60].

«Сильно боялись расейские Сибири», — конста-

тирует автор, ссылаясь на распространенные представления жителей европейской России о гибели звери съедят или (он сам — Г.Л.) с голоду умрет». Опровергая данное мнение, рассказчик, напротив, характеризует Сибирь как «райское место», «божий рай», поясняя подобные оценки тем, что «Тут тебе и рыбы, сколь хошь, и дичины уйма... Лес кругом березовый да осиновый, хоть избы руби... Земли свежие для пашни... И хлеб родится, скота сколько надо, столь и разводи... Работай, не ленись, все будет». Главными достоинствами сибирской жизни С.И. Курин считает отсутствие подневольного труда и земельные просторы («ни надзору, ни барщины, живи себе на здоровье», «и поработать есть, где ... не то, что в России, малоземелье»), неоднократно подчеркивая, что переселенцы «не могли наработаться на вольных сибирских землях» [Воспоминания... Л. 8—9, 11, III, IV].

По мере роста земельного утеснения аграрным переселенцам, как известно, отводились земли худшего качества — участки в таежных урманах и залежи, сложность обработки которых была «сравнима с подъемом целины». Процесс первоначального освоения горно-лесных и притаежных районов, как пишут авторы коллективной монографии «Столыпинские мигранты в Алтайском округе», получил название «врубания в тайгу»⁴ [Разгон и др., 2013, с. 165—166].

Природное окружение Сидоровки, названной так в честь первого поселенца, обосновавшегося «на вершине речки Вьюнки» (в левобережной части верхнего Приобья), С.И. Курин характеризует как «лиственную тайгу». Ср.: «Тайга у нас лиственная. Береза, осина да тальник с акацией... Озерки небольшие... Места болотистые. Вьюнское займище» [Воспоминания... Л. 5, 11]. Главной задачей новоселов после первичного обустройства (постройки «шалашей да землянок») была подготовка земли под пашню. Невысокое качество почвы, обозначенное в рукописи выражением «плохие земли... необработанное междулесье, целина», компенсировалось тщательной ее обработкой⁵. По словам автора, «землицу надо было хорошо обработать, целик ведь, дважды приходилось пахать» [Там же. Л. 10, III]. Процесс «врубания в тайгу» представлен в воспоминаниях как резкое усиление антропогенного воздействия на природу. Ср.: «От ступа топоров и людских голосов... нарушилась тишина верх-вьюнской поймы. Забеспокоился зверь лиственной тайги». С наплывом переселенцев «лес опять застонал от пил и топоров...стал все дальше отступать на север... местами до 20 км за тойское займище... Поблизости остался только дровяник» [Там же. Л. 25—26, 32—33, 56, 75].

² Заимствованное из европейской историографии понятие эго-документа в современных отечественных исследованиях широко используется для обозначения особой группы исторических свидетельств, отличающихся ярко выраженным личным характером.

³ Рукопись С.И. Курина «Какой была Сидоровка» включает в себя шестнадцать тонких «ученических» тетрадей, двенадцать из которых имеют сплошную нумерацию листов (л. 1—374). Оставшиеся пронумерованные тетради в настоящей работе обозначены римскими цифрами I—IV.

⁴ В то же время ограниченное (по сравнению со старожилами) развитие у переселенцев традиционных для Сибири добывающих промыслов — охоты, рыболовства и лесного собирательства — расценивается исследователями как показатель «недостаточной вживаемости (новоселов) в природно-географическую среду обитания» [Разгон и др., 2013, с. 257].

⁵ В литературе отмечается, что даже старожилы уважали «рьяную приверженность» переселенцев к земледельческому труду. См.: [Бардина, 1995, с. 19].

Описывая родную природу, автор в первую очередь обращает внимание на потенциально полезные в крестьянском хозяйстве ресурсы окружающей среды, отмечая, что в небольших озерцах водилась «рыбешка» («карась да голян»); росший по берегам мох «шел в постройку домов». Из прибрежной глины били печи («глины на берегу Выюнки сколько хочешь, столько и копай»); ее же использовали для изготовления кирпича-сырца, из которого делали печные трубы. Ценным сырьем считался тальник, поскольку «таловое корье» шло на «дубление кожи, выделку овчин» и плетение лаптей. Широкие промысловые возможности определялись обилием дичи, которой хватало и людям, и диким зверям. Даже хищники, пишет С.И. Курин, бывали иной раз полезными в хозяйстве: ср.: «вон у соседа Михаила... в стожку в сене уже три года живет волчица... Дак он этот стожок и не трогат, чтоб не обидеть ее, по то что она стережет его хозяйство от остального зверья...» [Там же, л. 11, 14—15, 27—29, 56].

Тот же принцип взаимодействия с природной средой был выявлен при анализе землеустроительных документов периода массовых аграрных миграций, рассмотренных на материалах более южного (по сравнению с б. Колыванским) Барнаульского уезда Томской губернии. Было показано, что все перечисленные в отчетах элементы степных и лесостепных ландшафтов (лога, лощины, гривы, болота, согры, елани, а также боровые места, лиственные леса и речные долины) воспринимались крестьянами как потенциальные угодья (пашни, сенокосы и пастбища), т.е. с точки зрения их ценности в крестьянском хозяйстве. Лучшими («вполне пригодными для хлебопашества») угодьями признавались возвышенные места — гривы. «Менее ценными пашнями» считались «небольшие клочки», разбросанные среди леса или «чередующиеся с солонцами, колками и сограми». В качестве удобных для сенокосения расценивались речные долины и низменные места — лога и лощины и т.п. [Любимова, 2017, с. 28—29].

Высокий экологический потенциал крестьянского единоличного хозяйства, считает Т.К. Щеглова, определялся адаптированностью сельскохозяйственного производства к природно-климатическим и ландшафтным условиям конкретной местности, будь то степные или таежные участки, ложки или согры, низины или возвышенности. Хорошо зная производительные окрестности своего села, особенности почвы, климата и потенциальные возможности отдельных участков, крестьяне определяли оптимальные сроки посева и уборки урожая, подходящий состав культур, лучшие способы содержания скота и рациональное сочетание различных направлений хозяйственной деятельности [Щеглова, 2008, с. 81—84].

Изначально, как следует из текста рукописи, Сидоровка формировалась как заимка. Сибиряки-старожилы, поясняет со ссылкой на «рассказы стариков» С.И. Курин, не принимали приезжих на подселение, не разрешая им селиться своим хозяйством. «В работники — пожалуйста, нанимайся, хоть временно, хоть постоянно, на год или два... (а нет — Г.Л.) — тайга большая. Селись и живи». Вот так и обосновался на высоком речном увале «в отдаленности от населенных деревень» приехавший из Чувашии Иван Егорович Сидоров [Воспоминания...

Л. 5, 16—17]. На соседних заимках проживали постоянные работники «колыванских и новотырышкинских богатеев», которые ухаживали за скотом («содержали скот на откорме»), заготавливали сено и обрабатывали «небольшие участки полей». Сеяли в основном овес и озимую рожь. Пшеница, по словам автора, «не успевала вызреть... то морозом убьет после всходов, то осенью недозревшую прихватит»⁶ [Там же. III].

Судя по тексту воспоминаний, Сидоровка началась «с шалашей да землянок», которые «на первых порах... (приходилось строить — Г.Л.) на скорую руку». Большую стройку, уточняет автор, некогда было разводить: «покос подходит (новоселам — Г.Л.), коней надо кормить». Шалаш («по-расейски балаган») делали из таловых или березовых прутьев. Сплетенный каркас ставили как «корзину вверх дном», «только (это была — Г.Л.) большая корзина», с лазом вместо двери, и обкладывали соломой, чтобы «ветром не продувало, да дождем не промочило» [Там же. Л. 7, 25, IV].

Первопоселенец Иван Егорович, подчеркивает рассказчик, подобрал себе «хорошее место на небольшом взгорке на правом берегу... Лес кругом, поляны хорошие... посевом хлебов есть, где заняться». В описании наглядно представлена планировка крестьянской усадьбы с «избенкой», расположенной в «полсотне сажень... от русла речки», хозяйственным двором и «разделанным» под овощи «огородишком», примыкавшим задним концом прямо к речке, «чтобы вода для полива поближе была» [Там же. Л. 6—7, III].

Та же организация жизненного пространства, отвечавшая крестьянским традиционным представлениям об оптимальных условиях для занятий хлебопашеством, отличала усадьбы более поздних переселенцев, приехавших в Сидоровку, когда в селе уже появились богатые крестьяне, имевшие «большие площади пахотной и покосной земли». «Устроились хорошо, — читаем в одном из переселенческих писем на родину, текст которого приводится в рукописи, — построили себе избенку... получили землю для посева и покоса, огород для картошки, капусты и всякой мелочи, лес рядом для дров... на постройку жилья и амбаров для хранения своего урожая»⁷ [Там же. Л. 67, III].

Большую часть первых домов в Сидоровке, отмечает С.И. Курин, составляли однокомнатные избы из местного березового и осинового леса⁸. Пережив

⁶ В связи с этим аграрные историки В.А. Ильиных и Г.А. Ноздрин обращают внимание на то, что по мере развития сибирского земледелия структура зерновых посевов менялась в пользу пшеницы. Сокращение площади лесов заставляло крестьян отдавать предпочтение яровым культурам, поскольку озимые на открытых местах вымерзали [Ильиных, Ноздрин, 1995, с. 19].

⁷ При этом «конфигурация жилого комплекса» у новоселов оценивается в современных исследованиях как более рациональная, чем у старожилов. Переселенцы располагали огороды и жилые помещения у реки или запруд, а хозяйственные постройки — в отдалении, тогда как старожилы возводили конюшни, хлева и скотные дворы возле источников проточных вод, куда осуществлялся сток навоза [Разгон и др. 2013, с. 191].

⁸ Эти данные согласуются с приводимыми в литературе сведениями о том, что поздние переселенцы вынужденно ис-

«тяжелые и мучительные годы... всякой нечестивой заварухи» (как обозначены автором политические катаклизмы начала прошлого века), село стало обновляться — появились «новые дома... пятистенники (и) крестовые, то есть в четыре комнаты», часть из которых была «под железной крышей», с «резными узорчатыми карнизами» и «разделанными разными кудрями» наличниками [Воспоминания... Л. 87—91, III].

Переселенцы, судя по описанию, стремились навести у себя такие же «порядки... как в сибирских селах». В частности, они строго следили за тем, чтобы улицы были прямые и ровные («планировку постройки как по шнуру отбивали»). В итоге планировка Сидоровского поселения с прочерченными «как стрела» улицами получилась иной по сравнению с планировкой соседних чалдонских сел Южино и Тырышкино. Как свидетельствует рассказчик, отступления от «ровного... прямолинейного построения улицы» в Сидоровке приходилось делать лишь из-за рельефа местности, которую пересекали впадающие во Вьюнку ручьи, особенно бурные «весной... при таянии лесных снегов». По этой причине «не всем довелось строиться близко к речке... всего один километр, потом... пошла трясина и лес». Тем не менее новоселы старались «не нарушать планировку» и «не портить красоту улиц». В Южино, напротив, каждый, по словам автора, строился по своему усмотрению: «ни улиц прямых, ни порядку... вот и получилось поперек господствующих ветров. Летом еще можно проехать на коне, а зимой, особенно если снежная, рядом живущего соседа не увидишь» [Там же. Л. 18—19, 34—35, III]. Однако подобная планировка расценивается С.И. Куриным скорее как исключение. В целом приведенное им описание отражает характерные особенности линейной по преимуществу планировки русских сибирских селений, вытянутых обычно вдоль берега реки и повторяющих в своей уличной застройке все речные изгибы. При этом огороды, расположенные позади обращенных на одну сторону усадеб, как правило, примыкали к реке⁹. Если же речной берег был высоким, то в сторону водоема были обращены не огороды, а фасады домов [Бардина, 1995, с. 6, 11; Майничева, 2002, с. 60].

Разрастание Сидоровки, пишет автор, продолжалось «до 30-х годов», когда протяженность центральной улицы с церковью и церковно-приходской школой составляла три с половиной версты, а в самом селе «в общей сложности (насчитывалось) 580 домохозяйств». Несмотря на то, что в селе имелись свои «купчишки», закупавшие сельхозинвентарь на конной тяге, державшие лавочки и торговавшие «всем необходимым», включая «соль, спички, керосин и даже мануфактуру (ситец)», хозяйство сибирских крестьян во многом продолжало сохранять натуральный характер [Там же. III]. Основным материалом для постройки жилища, изготовления

одежды, обуви, орудий труда и предметов домашнего обихода накануне коллективизации (а местами и дольше)¹⁰ по-прежнему оставалось местное природное сырье.

Так, основную часть материалов растительного и животного происхождения, необходимых для изготовления одежды, крестьяне производили в рамках семейного производства, стараясь также максимально использовать ресурсы окружающей природы [Бардина, 1995, с. 104]. По словам старожилов, вся жизнь была «своедельская». «Носили домотканную одежду своего рукоделья», — поясняет выросший в переселенческой семье С.И. Курин. Мало на ком можно было увидеть рубашку или штаны «фабричного изготовления». «Все было самими выращено, обработано на волокно, спрядено на пряжу, да выткано на ручных станах. Особенно (теми), которых душила беднота». «Самой роскошной обувью» у переселенцев считались «новенькие, фигуристые сплетенные лапоточки... из талового лыку». В такой обуви ходили круглый год, меняя по сезону только портянки, летом — «самотканые из конопляного волокна», зимой — «сотканные из овечьей шерсти». В праздники надевали «хромовые сапоги да ботинки» (также «из кожи своего изделия»). «У мужского полу, — продолжает рассказчик, — мозоли с рук не сходили, но и женскому полу доставалось... Было дело, за ткацким станком будили ото сна женщин, а девок за вязаньем или за пряжей» [Там же. Л. 31—32, 70, 84—85, 180, 200, III, IV].

Таким образом, массовое крестьянское семейное производство Сибири в начальный период аграрной модернизации оставалось «самодостаточным и патриархальным» [Щеглова, 2008, с. 84]. Принципы организации жизненного пространства (прежде всего планировка усадьбы и поселения) подчинялись традиционным крестьянским представлениям об оптимальных условиях для единоличных занятий хлебопашеством. Экологический прагматизм местных крестьянских сообществ, распространявшийся на все виды флоры, фауны и компоненты природного ландшафта, определялся натуральным (в значительной степени) характером крестьянского производства. Восприятие отдельных ландшафтных участков как потенциальных угодий (пашен, покосов и выпасов), т.е. с точки зрения их ценности в крестьянской экономике, предполагало дробное, дифференцированное отношение к природному окружению и максимально полное использование полезных в хозяйстве природных ресурсов. Этим в конечном итоге и обеспечивался высокий экологический потенциал крестьянских производственных традиций, не ис-

¹⁰ Так, признаки натурального хозяйства долгое время сохранялись в культуре весьма специфичной группы русского населения Тюменской области, проживавшего в труднодоступных районах южносибирской тайги, Тобольском Заболотье. Имевшие угорские корни и говорившие на татарском языке, но исповедовавшие христианскую веру обрусевшие заболотные татары даже в послевоенное время носили одежду из льна, оленьего и собачьего меха, лапти и кожаные бродни, продолжали использовать в быту самодельную глиняную посуду, изготавливали из лыка «туяся» и покрывали крыши домов берестой. При этом у жителей соседних татарских поселений еще в 1960-е гг. окна в избах закрывались «бычьим пузырем, а не стеклами» [Адаев, 2012, с. 7—9, 11].

пользовали для возведения жилищ считавшиеся небожественными у старожилов лесные материалы — березу и осину [Майничева, 2002, с. 54].

⁹ Сидоровские огороды, как отмечает С.И. Курин, «примыкали задами прямо к речке» [Воспоминания. III].

ключавший, однако, существенного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Последние угры Заболотья: информация XVIII—XX вв. // Сулеймановские чтения: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2012. — С. 7—13.
2. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. — Томск: Том. гос. ун-т, 1995. — 223 с.
3. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. — Новосибирск: ЭКОР, 1995. — 280 с.
4. Любимова Г.В. Крестьянские рукописные воспоминания как источник для изучения массового экологического сознания сельского населения Сибири // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. — Елабуга: Елабуж. ин-т КФУ, 2014. — С. 293—308.
5. Любимова Г.В. Отчеты землеустроительных партий как источник по экологической истории и культурному ландшафтоведению Сибири // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. — 2017. — № 6 (51). — С. 26—33.
6. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные тра-

диции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Середина XIX — начало XX в. — Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 144 с.

7. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. — 2003. — № 2. — С. 68—74.
8. Петрова И.С. Эго-документ как информационный ресурс регионального архива по истории первой мировой войны 1914—1918 гг. // Вестн. архивиста. — 2014. — № 4. — С. 39—49.
9. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и культурная адаптация. — Барнаул: АЗБУКА, 2013. — 348 с.
10. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. — Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2008. — 528 с.

Список источников

Воспоминания С.И. Курина «Какой была Сидоровка». Рукоп. Л. 1—374, I—IV. Колыванский районный краеведческий музей Новосибирской области.